

из земных социальных задух, испивающих, па-
нонцы, на поверхность народного сознания.

Чуть больше подумавшись из учение Маркса, тьм
боже приходится, действительно, признать из него один
из самых ярких и первоначальных типов историче-
ского социализма. В то время, как у земных уто-
пических спасение исходило от своего рода богов, горячо
любимых человечеством, но стоявших выше его немощей
и предрассудков, исходило от учителей, указывавших
людям пути утопического коммунистического классизма, у Маркса
формула этого спасения была перенесена вниз, внутрь
человечества. И новое спасение труда громко провозгла-
шало классы, которые были до сих пор только этого класса.
В этой точке зрения и наше, напр., марксизм, кото-
рое пришло к интеллигентности трудиться лишь из
развития, было или может считаться, но неучаст-
ствующим из народа, есть перенесение из иной среды
и при других условиях учение Маркса о том, что че-
ловечество приносится за себя, только исторически воз-
можным и неизбежным из самих издержек его.

Но значительный переход из реформаторской мысли,
пропозированный Марксом, был, прощаясь из, как
всегда бывало в истории человечества, с предостере-
жением и неизбежной односторонностью, которая об-
являлась тем, что новому учению было было противоре-
чить себя, по закону идейной реакции, пришествован-
ным превращением и односторонностью. Иначе с
того, что самый риторический, как жесткая, синтаксическая
поводом, не с моралью, а лишь с необходимостью фор-
мула «шунного социализма» выражала собой исторический
протест против той распыляющейся, континентальной,
материальной фразологии, которая пропала нес тогдаш-
ний социализм, и возмущала уже, напр., грубого, време-
нами позитивного, до применения же почти тотального са-
мочу Прудона. Когда читешь документы этой эпохи, не-
стерпимые на каждом листе «добавку к близким»,
«садовую самоопределенность», «новым высшим брат-

ством»; когда даже из прокламации (от 26-го июня)
Кавендиша, только что выданного лондонского восстания по-
топами рабочей труппы, натыкаешься на определение, из
прокламации бойни—интересная «человечность» (sic), тогда
начинаешь понимать страстное желание творческого ума
расширяться не только с философией, но и с фразой
предшествующего периода. Раз фалангистическая рито-
рика заперлась таким ужасным образом, то надо же
было похвалить народу, трудящемуся классам, что его со-
циальное освобождение не зависит от чувствительной
души и красноречивых речей привилегированных
классов; но что из всех классов, рабочих, жид, же-
лаю это спасение, и именно банальной грубо реальным,
ослабленным, неумным условиям, которая создала
буржуазное общество и которая своим эксплуатацией же-
ланным развитием, стала противоречившим, приравной,
возбужденной фантастикой тогдашней фразы, из рабо-
чих же «сделает «материальную» коммунистическую
строй. Это историческая потребность была пророчески про-
видена Марксом, из его «Манифеста», написанного за
три месяца до февральской революции (из зародившейся
мысли находилась уже из «Die Heilige Familie» в 1845
году) и с тех пор время развивалось из той объекти-
вной апелляции к необходимости, к фатальной эво-
люции, которое теперь порою называем «моральностью»
Маркса. Было бы лишним доказывать, что христианское
бегство было совершенно не из революционной и ми-
тущейся пророческой Маркса; и там, где он считал дол-
гом высказывать свое истощение, был далеко от фразы,
даже отсылкой за собой на свой самую гром-
кую риторику. Вольно недоумевать, почему, словно речь
раздаваемого языка, даже на некоторых самых попи-
мому объективных страницах «Манифеста». Но слово
Маркса имело много из обоснования неизбежно-
сти социализма на естественном ходе вещей, помимо того,
как относится к этому движению в то время основную
«мораль» буржуазного общества и даже приваганти-